

Просыпаться, чувствуя нежные прикосновения к своему телу, лицу, волосам Баки ещё не доводилось. В его памяти и привычке всех, с кем он делил постель, было как можно скорее перейти к действию — но не трогать друг друга до умопомрачения.

А сейчас именно это занимало все сонные, неповоротливые мысли: заключить в объятие, стиснуть, чтобы не мог дышать — и подарить своё дыхание. Баки резко выпростал руку, но поймал лишь пустоту. Стив проворно уклонился, тихонько посмеиваясь.

— Просыпайся. Уже полдень.

И Баки резко открыл глаза, пытаясь вспомнить, как они оказались у себя в землянке, на его ложе, и как он умудрился проспать половину дня. Но первое, что он увидел, был Стив — Стив в распахнутой льняной лейне и с венком из луговых первоцветов на голове. Как волшебный фэйри, незнамо как залетевший сюда под земляные своды. Он широко улыбался, свет за его спиной высвечивал растрёпанные волосы, но даже тот не мог затмить золото веснушек и тёмную медь ямочек на щеках. Стив чуть навис над ним и смотрел так, что у Баки всё в груди заныло, перевернулось, и только потом нехотя встало по местам. «Мой, мой», — о чём только и мог думать Баки, протягивая всё ж таки руку и прижимая друида к себе.

Наверное, желание его было чересчур красноречиво — Стив чувствительно поёрзал на нём, уткнулся губами в щёку, вздохнул:

— Я снова хочу. Очень хочу. Но пока не могу. Болит.

Баки зарычал. Перевернулся так, что подмял Стива под себя, и собственнически ощупал всё там, под лейне, пачкая пальцы в липком и вязком.

— Я сделал мазь, много. Скоро всё заживёт, — смутился Стив, краснея и отводя глаза. И тогда Баки, не выдержав этого внезапного румянца и так и не в силах произнести ни одного вразумительного слова, задрал на нём рубаху до самой шеи и принялся вылизывать, где придётся. По соскам — бусинкам, по костлявой груди, пересчитывая каждый выступ ребра, по тоненькой, полупрозрачной коже на бёдрах, что переходила в пах, по самому низу живота, рыжеватым волоскам и члену, такому приятно твёрдому и тёплому. Стив безвольно расставил колени и издавал звуки, которые Баки хотел продлить как можно дольше — и у него получалось. Но и самое приятное кончается, и пока Стив брызгал семенем ему в рот, Баки потянулся к себе и дёрнул всего несколько раз, чтобы освободиться от застилающего все мысли напряжения. Он упал рядом на шкуру, сглатывая непривычно вкусное семя и обнимая Стива поперёк груди, и смотрел на него сбоку: трепещущие длинные ресницы, зажмуренные от смущения глаза, такие яркие точки золота на алых щеках, чуть вздёрнутый нос и закушенная нижняя губа — мягкая, полная, как спелый бочок у сливы. Баки вздохнул. Была бы его воля, он бы не поднимался сегодня совсем.

— Как мы оказались здесь? — хрипло спросил он, надеясь отвлечься. Стив приоткрыл глаза и хитро на него взглянул.

— Кто знает? Я не помню так же, как и ты. Но всё в порядке. Волки тут, а ещё дары. Много даров.

Баки в удивлении изогнул бровь. Дары? Стив приподнялся на локте, оглядывая его сверху взглядом, оглаживая, как солнечным лучом.

— Люди всегда приносят дары после Бельтайна. Неужели вы не одаривали своих друидов после обряда?

И ведь точно. Кто что мог — но несли всегда. Баки тоже поднялся на локоть и оглянулся. У очага стояли кринки, горшочки, тканые свёртки, пучки каких-то трав. Он удивлённо осмотрел всё это добро и уставился на Стива с немым вопросом.

— Козье масло, молоко, жир, немного крупы, ранней зелени, яйца, даже копчёного сала кусок есть — еле успел у волков из-под носа выхватить. Но самое прекрасное — это хлеб. Домашний. Я, наверное, несколько лет такой не ел.

Баки принялся. Ведь точно, пахло сейчас в землянке так, как и должно пахнуть в месте, которое называешь домом. Хлебом, едой и... свершившейся любовью.

— И... им всё равно? — спросил Баки первое, что пришло в голову. И тут же пожелал забрать сказанное назад. Стив чуть сжал губы, но ответил быстро:

— Всё равно, что они видели ночью, у камней? Я единственный друид на все окрестные земли. А ты мой избранный, Баки. И огонь пропустил тебя ко мне. Богиня приняла наше соединение. Ритуал свершился. Остальное их не касается. Они не любят меня. Боятся, а Ванду боятся ещё больше. Но всё равно идут, потому что мы помогаем. Так устроено испокон веков.

Баки кивнул, на миг прикрыв глаза. Сложно было всё это уложить в голове. В его замке всё было не так, не совсем так. Были лекари, травники, а были друиды — которых уж давно прикармливали и лишь изредка приглашали в замок провести нужные обряды. Тут же, в Дал Риате, всё пропиталось древней дикостью, которую он и не пытался постичь. Всё, что ему было важно и нужно, кого он желал всей душой, лежал сейчас тут, прямо перед ним, в задранной до подмышек лейне, умиротворённый и сияющий изнутри.

— Значит, у нас королевский завтрак?

— Королевский, — по-мальчишески рассмеялся Стив, протягивая руку и вытирая губы Баки своими прохладными пальцами. Тот едва мог дышать, с благоговением принимая невероятные, всего за ночь произошедшие перемены. Это ли не чудо Бельтэйна? Это ли не олицетворённое торжество жизни?

Как бы то ни было, а всё у них пошло своим чередом. Много поменялось между ними, но и

многое осталось прежним. А как прожить без забот, если тёплое время только вступало в свою силу, каждый день принося новые и новые испытания? Даже в замке Баки знал, что каждое лето — лишь короткий миг, за который надо успеть многое и как следует подготовиться к затяжной непогоде и холодам. Вот только в замке было помощников вдосталь, а тут — только они со Стивом, да и то, от его помощи хорошо, если была половина. С одной-то рукой много не помогаешь.

И всё же дела двигались, заботы сменяли друг друга в нескончаемой веренице дней, и солнечный свет задерживался каждый раз чуть дольше, словно позволяя им успевать не только любить друг друга каждое утро и засыпать в сладких объятиях каждый вечер, но и трудиться всё остальное время. Баки привёл в порядок все немудрящие постройки вокруг землянки с тем пристрелом, чтобы пережить ещё одну зиму без проблем. С боем пополам, но расчистил и расширил канаву вокруг на случай ливней, которые они кое-как пару раз уже пережили. Нарубил и наносил новых тонких, упругих балок для укрепления свода. А какое удовольствие было каждый день вытаскивать на воздух шкуры, прогревать их под всё распалёвшимся солнцем, а после, на закате, валяться и дурачиться на них вместе, заглядываться на загорающиеся первые звёзды и медленно, ни от кого не прячась, любиться — то рыча и кусаясь, то доводя друг друга ласками до слёз.

<http://erolate.com/book/3459/83654>